

Риер Я. А.

**О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЭМЫ “AULAEUM DUNAIDUM” АВГУСТИНА ЭУКАЭДИЯ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
(СЕРЕДИНА XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV В.)**

В настоящее время одним из перспективных направлений в исторической науке является изучение исторической памяти, представленной в нарративных источниках, как свидетельства мировоззрения средневекового книжного человека, а также перцепции восприятия авторами произведений тех или иных событий, образов прошлого. В контексте изучения истории Великого княжества Литовского середины XIII – первой половины XIV в., а также анализа образов правителей, представленных в различных нарративных традициях особенный интерес представляют собой хроники, созданные на территории Немецкого ордена в XIV – начале XV в. Вместе с тем, заслуживают внимания и более поздние источники, причем не только летописные, но и литературные, поэтические, которые зачастую отодвигаются на второй план при проведении исторических исследований.

Так, ценным с точки зрения анализа образа и роли правителей Литвы на первых этапах становления государственности, является созданное в XVI в. рифмованное латиноязычное сочинение «Aulaeum Dunaidum...» ливонского автора Августина Эукаэдия (Augustinus Eucaedius). До недавнего времени оно практически не рассматривалось в исторической перспективе. Тем не менее, за последнее десятилетие появился ряд специальных работ, посвященных анализу данного произведения, главным образом, в среде прибалтийских и немецких историков и литературоведов. Изучение текста произведения Августина Эукаэдия, а также знакомство с проведенными историческими и литературными анализами «Aulaeum Dunaidum...» позволяет говорить о нем, как об одном из примечательных исторических поэм эпохи Просвещения, позволяющим глубже понять не только социо-политические и культурные обстоятельства его создания, но и изучить память о предшествующих жизни автора событиях, представляющей не что иное, как отражение существовавшей действительности, сохранившиеся в памяти образы событий и личностей. Особенно актуальным с этой точки зрения является изучение и использование «Aulaeum Dunaidum...» Августина Эукаэдия в контексте исследования образа первых правителей Литвы в исторической традиции, анализа их эволюции и трансформации.

До сих пор можно найти очень мало сведений об авторе. Известно, что Августин Эукаэдий происходил из Ливонии и именно так он идентифицировал себя в предисловии к своей работе – «Augustinus Eucaedius Liuonius» [5, с. 400]. История происхождения его псевдонима доподлинного неизвестна. Считается, что настоящая фамилия автора – Унверфехрт. В 1563 г. он был зачислен в Ростокский университет под именем Августин [6, с. 237]. Свой творческий и жизненный путь он связал с Ливонией, ее культурой и политическим наследием.

Произведение, полное название которого звучит как «Aulaeum Dunaidum, continens seriem ac sucessiones Archiepiscoporum Rigensium in Livonia, scriptum ad Reverendissimum ac Illustrissimum Principem ac Dominum Dominum Sigismundum Augustum Archiepiscopum Rigensem designatum, Ducem Megapolensem, principem Vandalorum, Comitem Suerinaeum, ac Stargatorum Dominum, etc. a Augustino Eucaedio Livonio» впервые было опубликовано на латинском языке в 1564 г. в Виттенберге. В наши дни рукопись хранится в Австрийской национальной библиотеке в Вене. В 1794 г. «Aulaeum Dunaidum...» было переиздано [4]. Считается, что всего было выпущено 14 экземпляров данной редакции издания [1, с. 530]. В 1848 г. поэма была опубликована на латинском языке во втором томе «Scriptores Rerum Livonicarum» [5]. В 1925 г. ее текст и анализ был представлен широкой публике известным латвийским историком и филологом, дипломатом Арнольдом Спекке [8]. В 2014 г. в Риге появилось двуязычное издание поэмы Августина Эукаэдия с комментариями [3].

«Aulaeum Dunaidum...» было посвящено рижским архиепископам и Сигизмунду Августу [2, с. 139]. Образцом для Эукаэдия стала поэма Иоахима Минзингера (Joachim Munsinger) «Austriados libri duo» (1540 г.), в которой речной бог Дунай созывает мифический водный совет с участием Дунайских нимф и притоков Дуная [2, с. 140]. В поэме Августина Эукаэдия главным героем также является речной бог, оплакивающий судьбу Ливонии, измученную военными кампаниями. При этом Сигизмунд Август представлен спасителем ливонцев, заступившимся за духовенство и народ, а его образ тщательно вплетается в сотканный наядами вязаный ковер с изображениями епископов и архиепископов Риги [2, с. 140].

Создание текста было обусловлено распадом Ливонии, а также воспоминаниями о былом могуществе и многочисленных военных событиях, проходивших на ее территории. Произведение наполнено переживаниями за будущее истощенной земли, а также воспоминаниями о ее героическом прошлом, представленным в поэтической манере. Характерно для автора стремление к покровительству, подчеркивание роли религии, веры в развитии общества и государства в целом [6, с. 238].

В начале повествования Августин описывает образ идеального правителя и указывает, какие качества были бы желательны для него, чтобы он успешно выполнял обязанности главы государства. При этом он подчеркивает важную роль образованности государя, а также его способностей к управлению армией [7, с. 382]. Успех в военном деле – одна из ключевых характеристик могущественного правителя. Поэтому пристальное внимание Августин Эукаэдий уделяет великим правителям прошлого, характеризуя их военные качества и боевые заслуги. Особенно показательны в данном отношении описательные характеристики, даваемые автором первым правителям Великого княжества Литовского. Литва и литовцы представлены Августином Эукаэдием воинственным народом, совершающим набеги и проводящим достаточно жесткую военную политику. Тем не менее, он подчеркивает роль правителей Литвы в развитии государственности и защите своих земель от посягательств, а также создает их воинственный образ.

Так, Августин называет Миндовга могущественным лидером, не уступающим по своей силе другим правителям и в то же время не более суровым, чем они:

Dux Mondauus erat, quo non crudelior alter,
Nec feritate fuit, nec bello maior et armis,
Quem Litauī, quem Samogetae coluere feroces,
Et dominum agnouere suum. Dux ille potentum
Vna Lionum bellum cum gente gerebat
Assiduum, et late vastabat milite campos [5, с. 408].

Важным является также указание автора на то, что Миндовг являлся независимым правителем, проводившим свою военную политику в отношении соседних племен, пусть и очень агрессивную, но держа дисциплину и в войске, и на поле брани.

Необходимо отметить, что сквозь весь текст Августина Эукаэдия проходит мысль о том, что хотя знание (гуманитарные науки) и война пользуются одинаковым уважением в обществе, люди помнят в первую очередь военные достижения правителей, а не период процветания достижений свободного искусства и образования. Возможно, именно поэтому он столько внимания уделяет именно образам правителей прошлого в качестве военных лидеров, подчеркивая их боевые достижения. Так, он ярко описывает Витеня, которого называет «военным лидером» и «героем Литвы», а также «агрессором, атакующим соседние земли»:

«At Vithines belli ductor, Lituanus Heros,
Multa putans, ciuesque animo miseratus amicos,
Brunonem merita mulctabat morte Magistrum...» [5, с. 409].

Кроме того, из данного фрагмента можно почерпнуть ценную информацию о победе Витеня над магистром Бруно и его убийстве, а также о стремлении христианских рыцарей взять реванш, отомстить языческому правителю за данное преступление.

Представляет ценность и информация, содержащаяся в «Aulaeum Dunaidum...» и касающаяся механизмов легитимизации власти первых правителей Литвы. Так, при описании времени правления Гедимины, Августин Эукаэдий подчеркивает его хитрую дипломатическую политику с церковью, указывает на попытки привести его к «истинной вере», которые окончились провалом:

«Imperium Litauī regni Gedeminus habebat,
Pollicitus Christum accepturum sacraque nostra.
Ter conatus eum a vanis deducere Diuis
Mutatum, atque animo conuersum ad numima prisca:
Ter nihil efficiens studium consumpsit inane,
Magnorum impensis operum fraudatus et auro.
Ille olim in syluis Dominum, Regemque suorum
Agressus Vithinem ad patrias truncauerat aras
Ter centum Diuis lingua, Diuasque tonantem:
Dotale extinctique viri cum coniuge regnum
Accepit, populumque sibi subiecit agrestem» [5, с. 411].

Примечательно здесь также свидетельство наказания Витеня за его богохульство в виде «божественного огня», убившего грешного литовского правителя за все его прегрешения против истинной веры. Кроме того, подчеркивается значение династического брака Ягайло и Ядвиги, который смог принести литовцам христианство, а государству – спокойствие.

Разумеется, это далеко не полное описание свидетельств, касающихся истории Литвы середины XIII – первой половины XIV в., которое можно найти в произведении «Aulaeum Dunaidum...» Августина Эукаэдия. Сама поэма, как и социо-политические условия ее создания заслуживают тщательного и масштабного анализа с точки зрения исторической ретроспективы. И несмотря на то, что данное произведение было создано в середине XVI в., относится к более позднему периоду, характеризуется ярко выраженной литературизированностью и поэтичностью, а значит – не может

выступать в качестве самостоятельного исторического источника, оно представляет огромную ценность с точки зрения представления образов власти первых правителей Литвы в исторической памяти народов, в том числе, анализа трансформации роли правителя в эпоху Возрождения и Просвещения, исследования механизмов институционализации его власти на разных этапах государствообразования, а кроме того – реконструкции представлений о государе в латинской нарративной традиции в зависимости от конкретных социо-политических и культурных условий развития общества.

1. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon Der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / J. Friedrich von Recke, K. E. Napiersky. – B. 1. – Mitau : Johann Friedrich Steffenhafen und Sohn, 1827. – S. 530.
2. Amann-Bubenik, J. Ein Flüssekonzil zu Ehren Kaiser Maximilians II. Das Carmen Danibus des Augustinus Eucaedius / J. Amann-Bubenik // Acta Conventus Neo-Latini Vindobonens : Proceedings of the Sixteenth International Congress of Neo-Latin Studies, Vienna, 2015 / ed.: A. Steiner-Weber [et al.]. – Leiden ; Boston : Brill, 2015. – S. 139–152.
3. Eicēdijs, A. Daugavas paklājs / A. Eicēdijs / atdz. R. Šestaks, D. Fogeļe; kom. B. Čirules, D. Fogeļes. – Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2014. – 167 s.
4. Eucaedius, A. Aulaeum Dunaidum, continens seriem ac sucessiones Archiepiscoporum Rigensium in Livonia... / A. Eucaedius. – Et Ruyni, 1794. – 66 s.
5. Eucaedius, A. Aulaeum Dunaidum... / A. Eucaedius // Scriptorum Rerum Livonicarum. – B. 2. – Riga-Leipzig : Eduard Franken's Berlags, 1848. – S. 393–426.
6. Klekere, I. Daugavas paklājā ieskatoties / I. Klekere // Antiquitas Viva 5. Studia classica. – 2019. – S. 237–242.
7. Laizāns, M. Izglītības dižciltīgums Rīgas neolātinisko dzejnieku sacerējums / M. Laizāns // Current issues in Literary and Cultural Research : Rakstu krājums Conference Proceedings. – Vol. 22. – Liepāja, 2017. – S. 377–384.
8. Spekke, A. Livonijas dzejnieka-humanista Eicedija poema "Danubius" / A. Spekke // Latvijas Universitātes Raksti. – 1925. – № 120. – S. 3–56.

Дзярновіч А. І.

ШТУРМ ЗАМКА ПІЛЕНАЙ У 1336 Г.: СЯРЭДНЯВЕЧНАЯ НАРАЦЫЯ І МЕТОДЫКА ТЭКСТАЛАГІЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ ХРОНІК

Адзін з самых красамоўных эпизодаў экспансіі Нямецкага ордэна ў Балтыйскім рэгіёне і яго супрацьстаяння з Вялікім Княствам Літоўскім і землямі, якія ў будучым увайдучы ў яго склад, звязаны з легендарным штурмам замка Піленай у 1336 г. Гэтая падзея адбылася пад час выправы (рэйду) ордэнскага аддзела на чале з вялікім магістрам Дытрыхам фон Альтэнбургам (з роду бургграфу Альтэнбургу; вялікі магістр 3. V. 1335 – 6. X. 1341).

Кіраванне вялікага магістра Дытрыха было адметным тым, што ён прыцягнуў у дапамогу Ордэну новыя сілы рыцараў-візіцэраў з Цэнтральнай і Заходняй Еўропы: аддзелы герцага Брандэнбургскага, графаў з Фландрыі (comes de Namēn), Францыі, германскіх (Hennenberg) і аўстрыйскіх земляў. Узімку 1335–1336 гг. агульная колькасць гэтых добра ўзброеных "гасцей" дасягала звыш 200 'galea' (шалому) [5, S. 196].

Паводле паведамленняў нямецкіх ордэнскіх хронік, аб'яднаныя ордэнскія аддзелы 25 лютага 1336 г. выправіліся на Літву і узялі ў аблогу "castrum Pillenen in terra Troppen". Як можна зразумець, гэты "замак Піленай" у "зямлі Тропен" быў важным апорным пунктам у Жамойці, на мяжы з ужо заваяванай Ордэнам Прусіі. Зямля Тропен, таксама як і замак Піленай, не маюць дакладнай лакалізацыі. Мяркуецца, што яны знаходзіліся на паўночным (правым) беразе ніжняга Нёмана.

Апісанні падзей у замку Піленай, пакінутыя ордэнскай хронікай, нагадваюць па сваёй стылістыцы і маштабу антычную трагедыю. Гэтыя апісанні пакінуў ордэнскі храніст Віганд Марбургскі, паводле словаў якога да Піленай збеглася звыш 4. 000 чалавек з чатырох земляў. Пабачыўшы ордэнскае войска, язычнікі "згубілі надзею на ўтрыманне замку" і пакідалі сваю маёмасць ў полімя. Затым адбыўся акт калектыўнага суіцыду. Драматызму нарацыі надае апавед пра "vetula pagana" ("старую паганку"), як можна меркаваць – вядуныю, якая сякерай забіла 100 сваіх супляменнікаў, а потым забіла сама сябе.

Граф Гененберг узяў пад кантроль замак, але частка абаронцаў, параненыя, здолелі сысці на конях. Правадыр паганцаў, якога хроніка называе "Rex Lithwanorum", быў абаронены тарчамі сваіх слугаў. "Ахоплены страхам" ён уцёк да нейкай хованкі, дзе закалоў сваю жонку і ўкінуў яе цела ў агонь. Паганцы ж, уражаныя такой паразай, нахілілі свае галовы і правадыр іх усіх пазабіваў. "Castrum Polenen" быў разбураны, і з яго былі выведзены палонныя ды багатая здабыча [5, S. 198].

Базавыя звесткі пра падзеі пад Піленай першым зафіксаваў, з таго што на сёння вядома, храніст Віганд Марбургскі (фон Магбургскі) (каля 1365 – 1394 /1409). Сам Віганд не з'яўляўся рыцарам Ордэна, але быў герольдам вялікага магістра Конрада Валенрода (1391–1393). Хроніка Віганда ахоплівае перыяд ад 1293 па 1394 гады і з'яўляецца адной з найважнейшых крыніц па гісторыі Нямецкага ордэна ў Прусіі. Першапачатковы тэкст хронікі быў напісана рыфмаванай прозай на сярэдне-верхне-нямецкай мове (vulgari teutonico). Мяркуецца, што арыгінальны тэкст складаўся з прыкладна 17. 000 радкоў, але да нашых дзён дашлі 542 радкоў (9 урыўкаў) [9, s. 293–294].